

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

**Читайте
захватывающие остросюжетные романы
Ирины Градовой:**

СЕРИАЛ

«СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ДОКТОР МОНОМАХ»

Предложение,	Экзотический симптом
от которого не отказываются	Клиническая ложь
Не делай добра	Горькое лекарство
Смерть навынос	Побочные эффекты

СЕРИАЛ

«СЫЩИЦА В БЕЛОМ ХАЛАТЕ»

Окончательный диагноз	Инородное тело
Врач от бога	Вскрытие покажет
Пациент скорее жив	Второе рождение
Последний секрет Парацельса	Врачебная ошибка
Чужое сердце	Рецепт от Фрейда
Забывтая клятва Гиппократы	Мальтийский пациент
Шоковая терапия	Врачебные связи
Клиника в океане	Диагностика убийства
Вакцина смерти	Сколько стоит твоя смерть
Источник вечной жизни	Инстинкт хищницы

СЕРИАЛ

«БАЛЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ»

Танец над пропастью	Последняя надежда обреченных
Ария для призрака	Актриса на роль подозреваемой
Венчальное кольцо Нибелунгов	Соло на раскаленной сцене
Гнев Пигмалиона	

СЕРИАЛ

«АДВОКАТ НА ДОВЕРИИ»

Ложь под звездным соусом
Жена государственной важности

СЕРИАЛ

«СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЭМПАТ»

Проклятие ДНК	Без кожи
Ювелирная работа	Убийство в час быка
Кровь ангелов	Инкубатор смерти
Смерть под занавес	

Ирина Градова

Клиническая
ЛОЖЬ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Сазонова*

Градова, Ирина.

Г75 Клиническая ложь : роман / Ирина Градова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-251856-0

Аркадий Рукояткин — состоятельный интеллигентный человек, успешный предприниматель, никому не делал и не желал зла. Он потерял всех близких родственников и стал никому не нужен — кроме тех, кому понадобились его деньги! Если бы не попугай, никто бы и не узнал о его насильственной смерти, ведь Рукояткина любила только птица! И надо же было такому случиться, что траурный какаду попал в руки сыщика-любителя доктора Князева, известного под прозвищем Мономах, и тот решил пролить свет на странные обстоятельства смерти Рукояткина...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251856-0

© Градова И., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Весна в Санкт-Петербурге похожа на мягкую европейскую зиму: снег уже сошел, на газонах вроде бы трава, но воздух почти не прогревается, солнце — все еще редкое явление, а с неба без конца капает, а то и откровенно льет дождь.

Если не жить в этом городе постоянно, трудно себе представить, что в нем случаются и погожие дни, и лишь аборигены, хладнокровно таскающие в сумках зонты в любой сезон, умеют радоваться коротким периодам действительно хорошей погоды, которые нет-нет да и сваливаются на Северную столицу.

Но в этот день, думала Алла, осторожно ступая в редкие места между лужами, стараясь не намочить обувь, несложно вообще позабыть о том, что на дворе, между прочим, апрель!

— Доброе утро, Алла Гурьевна! — услышала она неоправданно радостный голос, без сомнения принадлежавший Анне Яковлевне Сурдиной.

Доносился он из-за насыпи, за которой, судя по описанию Антона Шеина, располагалось место преступления.

— Зря вас не предупредили, что лучше надеть резиновые сапоги!

«Это точно!» — сквозь зубы процедила Алла, взбираясь на насыпь.

И как это судмедэксперт ее углядела? Ведь сама она ее не заметила, пока не оказалась наверху.

— Я услышала ваши шаги, — ответила Сурдина на ее невысказанный вопрос. — Знала, что вы должны подъехать, и потом, вы так громко шлепали по лужам, что...

Она осеклась и покраснела — удивительно, но некоторые люди сохраняют эту милую особенность до конца жизни, хотя у большинства способность заливаться краской с годами проходит.

Алла предпочла сделать вид, что ничего не заметила, но ее задели слова эксперта.

Ей начинало казаться, что диета и физические нагрузки дают результаты. Весы радовали почти что каждую неделю, диетолог Добрая одобритительно кивала при встречах и говорила, что желаемый результат похудения не за горами, Алла начала влезать в модную одежду...

А для людей комплекции Сурдиной, выходит, она по-прежнему оставалась женщиной-горой, слонихой, бегемотихой?!

Судмедэксперт тихо кашлянула и неловко дотронулась до ее руки.

— Алла Гурьевна, вы уж меня простите за бестактность! — проговорила она. — Я ничего такого не имела в виду, просто ваша обувь...

— Да ладно, мы же обе в курсе, что дело вовсе не в обуви! — махнула рукой Алла. — Очевидно, мне никогда не стать легкой, как пушинка... ну, как вы, Анна Яковлевна!

— Так это же хорошо, Алла Гурьевна!

— В смысле?

— Вы хотя бы представляете себе, каково иметь вес сорок четыре кило?

Разумеется, Алла не могла такого представить.

— Каково, когда в общественном транспорте тебя бесцеремонно хлопают по плечу и обращаются: «Эй, мальчик»? — продолжала между тем Сурдина. — Это притом что мне уже, пардон, шестой десяток! Или

когда лифт отказывается ехать, потому что не «чувствует» человека внутри себя и упрямо стоит в ожидании пассажира с «нормальным» весом?! Когда обувь приходится заказывать за границей или покупать в детских магазинах... Ах, Алла Гурьевна, вы — счастливая женщина, хотела бы я быть на двадцать кило тяжелее и сантиметров на десять повыше!

Алла никогда не смотрела на эту проблему с точки зрения Сурдиной, а та, оказывается, тоже недовольна собственной внешностью? Ну да, судмедэксперт, мягко говоря, не красавица, но как же Алле хотелось выглядеть такой же хрупкой и изящной!

Она воспрянула духом и по-деловому поинтересовалась:

— Ну, так где наш труп?

— Так вон он, под елочкой! — махнула рукой Сурдина. — Пошли, только остороженько, Алла Гурьевна, тут почва глинистая, мокрая, в любой момент обвалиться может!

Небольшое озерцо, в котором обнаружили тело девушки, располагалось сразу за насыпью. Алла увидела копошившихся возле трупа людей.

Она обладала стопроцентным зрением, а потому сразу же углядела капитана Шеина, старшего оперативника опергруппы, с которой работала Алла. Он стоял чуть в сторонке и жевал губами незажженную сигарету.

Алла знала, что капитан пытается бросить курить, но никак не может избавиться от привычки держать что-то во рту. Доброжелатели предлагали ему разнообразные решения проблемы — от спички и леденца до новомодных электронных сигарет.

Шеин злился, говоря, что ему не нужен суррогат, чтобы тренировать силу воли, и уверял всех, что непременно справится с собой, дайте только время.

— А, Алла Гурьевна! — коротко бросил он вместо приветствия. — Паршивая погода!

— Да уж, не самый лучший день, чтобы умереть! — проговорил проходящий мимо помощник Сурдиной, немолодой и многоопытный Илья Шульц.

Он до такой степени походил на свою начальницу и размером, и внешностью, что Алла приняла бы его за родного брата судмедэксперта, не зная она, что у той нет родственников, кроме сыновей.

— Ну, положим, умерла она не сегодня, — строго нахмурившись, поправила помощника Сурдина.

— А когда? — тут же задала вопрос Алла, хоть и знала, как не любит судмедэксперт строить предположения до вскрытия.

— Ну, навскидку дня два-три, — ответила та, жуя нижнюю губу. — Судя по состоянию тела. Но точно сказать не могу, ведь тело пролежало в холодной воде, а температура воздуха в последнюю неделю менялась слишком часто.

— Ну а причина смерти? — не унималась Алла. — Утопление, видимо?

— Если то, что «видимо», то да, — кивнула Сурдина. — Ладно, не будем гадать: забираем девочку, Илюша!

По этой команде коллеги судмедэксперта, отеснив оперативников, принялись упаковывать тело в пластиковый мешок (ее собратья не слишком заботились об эстетике, просто прикрывая носилки простынкой).

Алле нравилось, как работает Сурдина, нравилось, как вымуштрованы ее подчиненные, как беспрекословно они исполняют ее указания — вот бы обладать такой же способностью вызывать уважение!

Сурдина умудрялась, не повышая голоса, одним движением брови или уголка рта, дать понять, что ее что-то не устраивает, и подчиненные мгновенно считывали информацию с лица шефа и исправлялись.

Нет, у Аллы никогда так не получится: она чересчур эмоциональна! Итак, кто же эта неизвестная?

— Антон, при девочке что-нибудь нашли? — поинтересовалась она у Шеина.

— Ничегошеньки, Алла Гурьевна! Сейчас обыскивают все близлежащие кусты — вдруг что обнаружится. Похоже, придется водолазов вызвать!

— Придется — вызовем, — пробормотала Алла, глядя вслед удаляющимся спинам Сурдиной и ее коллег, несущих свой печальный груз на носилках. — Начните с установления личности, — добавила она, вновь поворачиваясь к оперу. — А еще, пусть мы пока и не знаем точно времени смерти, попробуйте поискать свидетелей, которые были поблизости пять или шесть дней назад и могли что-то видеть, хорошо?

— Будет сделано, Алла Гурьевна! Только вот я не пойму что-то, зачем мы здесь?

— В смысле?

— Работников Следственного комитета обычно не вызывают на самоубийства и несчастные случаи, так?

Алла подавила вздох: рано или поздно вопрос должен был возникнуть, но ей до смерти не хотелось объяснять что-то своим людям, пока она сама во всем не разберется.

Похоже, Антон прочел это нежелание на ее лице, поэтому тихо хмыкнул и, сунув руки в карманы джинсов, стал подниматься на насыпь.

Алла до сих пор не понимала, как ее команда относится к ней.

Формально начальником группы оперативников являлся Антон Шеин, но Алла была, если можно так выразиться, мозгом команды, посылающим распоряжения рукам и ногам, то есть Антону, Дамиру Ахметову и Александру Белкину, самому младшему члену следственной группы Аллы.

Ей иногда казалось, что мужчины относятся к ней снисходительно. Они знали обо всех ее слабостях, включая попытки похудеть, и даже о неудачном гражданском браке с человеком, который предпочел семи годам совместной жизни выгодный брак с женщиной, чей отец сумел обеспечить ему блестящую карьеру.

А что Алла знала о своих коллегах?

Ну, положим, о Белкине и знать-то особо нечего: парень слишком молод, чтобы в его биографии имелись хоть какие-то интересные факты. Алла знала, что у Александра есть старшая сестра, которая, как и его родители, живет в Выборге. Здесь парень снимал квартиру вместе с приятелем — вот, собственно, и вся информация. Девушки у него не было, поэтому большую часть свободного времени он проводил с многократно разведенным Антоном Шеиным.

Антон временно находился «в свободном полете», но Алла предполагала, что это ненадолго: старший опер слишком привлекателен, чтобы особи противоположного пола позволили ему долго оставаться бесхозным.

А вот Дамир Ахметов оставался для Аллы загадкой. Спокойный и уравновешенный, он никогда не выходил из себя и к любовным приключениям коллег относился с юмором, но без издевки. Она в курсе, что он женат, что у него есть дети, но ни разу не видела членов его семьи — даже на праздниках, которые устраивало начальство: если Шеин каждый раз являлся с новой пассией, то Ахметов всегда приходил один. Он что, стесняется своей жены? Или, наоборот, боится, что на нее будут устремлены взгляды других мужчин?

Может, дело в том, что Дамир мусульманин? Он не выпячивал данный факт, но Алла знала, что коллега посещает мечеть, хоть и не соблюдает всех обычаев ислама в полной мере.

Вот, собственно, и все — негусто, если разобратся! С другой стороны, это не мешает группе успешно раскрывать преступления, а значит, информации вполне хватает для плодотворной работы, а это — самое главное, в конце концов!

На голову упали первые капли дождя — ну вот, опять начинается!

Алла раскрыла зонтик и, укрывшись под его сенью, поспешила в ту сторону, куда только что удалились Сурдина и Антон.

* * *

Мономах собирался в столовую: следующая операция только через полтора часа — полно времени, чтобы пообедать.

Он уже закрывал дверь в кабинет, когда в кармане требовательно затрезвонил телефон.

Поборов искушение проигнорировать звонок, он вытащил его и увидел на экране номер Нелидовой, и.о. главврача больницы и по совместительству своей любовницы.

Звонок в середине дня не сулил ничего хорошего.

— Володя, тебя срочно требуют нейрохирурги! — без предисловий сообщила Анна.

— На консультацию? — спросил он, мысленно попрощавшись с приятным видением комплексного обеда.

— На операцию.

— Но у меня...

— Мейроян может оперировать вместо тебя — я посмотрела расписание, он свободен!

— А почему он не может вместо меня пойти к нейрохирургам?

— Потому что Суламифь хочет тебя, и не мне тебе объяснять, что Суламифь всегда получает желаемое!

Суламифи Моисеевне Кац действительно было трудно противостоять. Она работала в больнице без малого сорок лет и являлась одной из менее чем десятка женщин-нейрохирургов в Санкт-Петербурге. Когда она начинала, то была единственной!

Мономах знал, что ей в прошлом году исполнилось шестьдесят пять — юбилей отмечали с размахом.

В этом возрасте большинство хирургов переходят в консультанты, однако к Кац это не относится: кажется, время над ней не властно. Внешне она выглядит на свой возраст, да и красавицей никогда не слыла, а вот рука ее — главный инструмент любого представителя этой профессии — остается все такой же точной, а глаз — все таким же верным.

Характер Суламифи сложно описать словами: половина больницы ее обожает, в то время как вторая открыто ненавидит, и это о многом говорит. Средний медицинский персонал трясется, стоит Кац появиться в коридоре — и это притом что она уже пять лет как не заводителением!

Мономах понятия не имел, когда и как попал в любимчики к Суламифь, но она предпочитала работать именно с ним.

Честно признаться, и ему нравилась ее компания, хотя грубоватый, щедро приправленный матерком, но чертовски меткий юмор Кац мог сбить с ног самого стойкого мужика. Но почему именно сейчас он ей так понадобился?

— По скорой паренек поступил, — предвидя его вопрос, пояснила Нелидова. — Множественные переломы и черепно-мозговая. Ты же знаешь, как Суламифь к молодежи относится?

Кац старалась делать все, чтобы поставить на ноги молодых пациентов.

Она говорила так: «У стариков есть дети, они им и “утку” поднесут, и стакан водицы, а вот молодым

помочь некому, надо работать, семью строить, так? Ну а как они все это сделают, если раньше времени в инвалидном кресле окажутся?!»

И ведь не поспоришь! Поэтому Мономах не стал даже пытаться и только спросил:

— В какую операционную?

* * *

— Итак, что нам известно о покойной? — спросила Алла, входя в кабинет судмедэксперта.

Она не любила посещать морг и старалась, по возможности, этого избегать, посылая вместо себя оперов.

По правде сказать, когда телом занималась Сурдина, Алла привыкла полностью полагаться на ее суждения: в конце концов, она уже видела труп и вряд ли сумеет интерпретировать результат вскрытия самостоятельно, даже если проглядит все глаза, пялясь на него!

В кабинете Алла чувствовала себя гораздо уютнее.

Сурдина любила порядок: об этом говорила стерильная чистота маленькой, но достаточно вместительной комнаты, в которой она была полноправной хозяйкой. В книжном шкафу из ослепительно-белого пластика выстроились аккуратные ряды медицинской литературы, документы не лежали валом на столе, а покоились в пластиковых и металлических органайзерах. Единственным предметом, отражающим характер владелицы, был дорогой письменный прибор из оникса. Каким бы отличным специалистом ни являлась Сурдина, она не могла себе позволить приобрести такую дорогостоящую, стильную вещь. Скорее всего, это подарок, вот только от кого?

С юных лет Алла развлекалась одной игрой, в которую играла сама с собой или с партнером, столь

же наблюдательным, как и она сама, и умеющим делать выводы и строить умозаключения, имея на руках минимальный набор сведений. Она выбирала объект, казавшийся ей интересным, и пыталась «вычислить», что он из себя представляет — род занятий, семейное положение, сферу увлечений и так далее.

С Сурдиной этот метод не срабатывал, хотя Алла несколько раз пыталась применить свои навыки к судмедэксперту: она оставалась для нее загадкой.

Алла знала лишь то, что Сурдина не замужем и имеет двух взрослых сыновей, но вряд ли кто-то из них обладает настолько хорошим вкусом и высоким доходом, чтобы подарить матери письменный прибор — скорее всего, это либо подарок коллег на какой-то юбилей, либо у Сурдиной, несмотря на всю ее внешнюю непривлекательность, имеется тайная личная жизнь, о которой мало кому известно!

Судмедэксперт предложила гостье присесть и практически не глядя вытащила из органайзера пластиковую папку с отчетом.

— Я еще мало что успела сделать, но все равно собиралась вам звонить, — сказала она, сдвигая очки на кончик тонкого носа с нервными, как у породистой лошади, ноздрями.

Лицо у Сурдиной и впрямь было лошадиным, длинное, с тяжелым «габсбургским» подбородком — такие лица часто встречаются среди членов европейских королевских семейств на полотнах великих мастеров. Хотя, пожалуй, именно этот нос и был самой привлекательной чертой судмедэксперта, да еще необыкновенная подвижность лица, говорящая о том, что его обладательница либо склонна к лицедейству, либо является искренним и прямым человеком.

— Раз вы собирались звонить, значит, это убийство? — предположила Алла.

— Да, — подтвердила Сурдина. — Воды в легких нет, значит, жертва не захлебнулась.

— От чего же она умерла?

— Пройдемте со мной!

Они вошли в прозекторскую, расположенную прямо за стенкой. Посреди нее стоял железный стол с желобами для отвода жидкостей, на котором под тонкой одноразовой простынкой лежал труп утопленницы.

— Поглядите-ка сюда, — эксперт откинула простыню.

Алла почувствовала, как слюна вдруг стала вязкой: зрелище было не из приятных. Вид покойника, конечно, и так нечасто доставляет удовольствие, однако с утопленниками такое случается еще реже: распухшие лица, землистые кожные покровы — бр-р-р! Алле постоянно приходилось напоминать себе, что до того, как оказаться на прозекторском столе, эти тела принадлежали людям, которые дышали, любили, жили какой-то своей жизнью, которая внезапно и несправедливо оборвалась.

Вот и сейчас, сделав глубокий вдох ртом, Алла сказала себе, что перед ней — молоденькая девушка, почти девочка, и кто-то обязательно сейчас ищет ее, теряясь в догадках и самых ужасных предположениях. Которые, к несчастью, оправданны.

Сурдина между тем указала длинным, тонким, словно птичий коготок, пальцем на шею, а вернее на серовато-синее пятно, охватывающее ее.

— На обычную странгуляционную борозду не похоже! — отметила Алла.

— Верно. При осмотре мы учитываем такие факторы, как ширина странгуляционной борозды, ее глубина и рельеф. Так вот, ширина, как вы можете видеть, слишком велика для петли, глубина, напротив, мала, а рельеф, как вы понимаете, обычно зависит от материала, из которого эта самая пет-

ля сделана. Чем уже петля, к примеру провод или веревка, — тем глубже она вдавливается. Мягкие и широкие петли, скажем от полотенца или шарфа, образуют широкие бледные борозды. В редких случаях широкие и мягкие петли при слабом, медленном давлении могут и вовсе не оставлять следов, если, допустим, подложить под них вату или платок. Тело слишком много времени провело в воде, отчего картина выглядит смазанной, и все же...

— Использовался какой-то особый материал?

— Можно и так сказать, — кивнула Сурдина. — Вашу девочку задушили руками. У нее сломан щитовидный хрящ. Тот, кто сделал это, был в плотных перчатках — скорее всего, кожаных.

— Вот как! Насколько сильным должен был быть убийца?

— Трудно сказать. Жертва хрупкого телосложения, кроме того, если она не сопротивлялась, — а она не сопротивлялась, так как других повреждений на теле обнаружить не удалось...

— Вы предполагаете, ее чем-то опоили?

— Только предполагаю, вы правильно выразились: по прошествии такого длительного времени в воде узнать наверняка не представляется возможным. Тем не менее я отправила ткани на анализ в лабораторию, но это займет какое-то время.

— Чужеродный эпителий под ногтями имеется?

— Вы помните, что ее из озера достали, да? Если и были следы, их смыло, да и ногти у нашей девочки подстрижены под корень.

— При ней что-нибудь обнаружили?

— Ни телефона, ни паспорта, ни записной книжки. Похоже, придется вам поработать!

— Ладно, не впервой...

— Да, есть еще одна странность: я обнаружила у жертвы два посмертных перелома — ключицы и локтевого сустава на правой руке.

- Посмертных?
- Они могли возникнуть при перемещении тела или... Ну, не знаю, как еще.
- Спасибо, это может оказаться очень важным!
- Девушка молодая, наверняка ее ищут — родители, муж, жених? — предположила Сурдина.
- Скорее всего, вы правы: мы уже начали проверять заявления о пропавших, — кивнула Алла.
- Так жалко, когда погибают молодые! Жить бы ей да жить, Алла Гурьевна, но кто-то, по-видимому, решил иначе! Ну скажите, кому могла помешать такая девчонка? Ей ведь не больше двадцати — двадцати трех!

Алла не нашлась что сказать, но вопрос, скорее всего, был риторическим: судмедэксперт вряд ли ожидала, что следователь даст ей вразумительный ответ.

— Есть ли что-то еще, Анна Яковлевна? — спросила Алла. — Что-то, что помогло бы нам в установлении личности жертвы?

— Вы имеете в виду, с медицинской точки зрения? Да нет... В целом она была здорова. Ну, есть некоторый недостаток веса, но в ее возрасте это случается — девчонки морят себя голодом, не думая о последствиях: как детей вынашивать, как рожать, кормить! Зубы в неплохом состоянии, имплантов нет... В общем, не знаю, что добавить, честное слово!

На некоторое время в кабинете повисла тягучая тишина.

— У меня вопрос, Алла Гурьевна, — нарушила молчание Сурдина.

— Да, конечно, спрашивайте!

— Почему именно вас отправили на место обнаружения тела — это как-то связано с тем, что рядом расположен поселок «небожителей»?

— Похоже на то, — вздохнула Алла.

— Так я и знала! — хлопнула себя крохотными ладошками по тощим бедрам судмедэксперт. — Нашли бы девочку в обычном, «некрутом» районе, расследовали бы дело местные, а тут — целого старшего следователя из Следственного комитета сдернули, и это притом что причина смерти могла оказаться не криминальной!

— Все правильно, Анна Яковлевна, — честно ответила Алла. — И у меня приказ: по возможности все делать по-тихому, не беспокоя «уважаемых людей»!

— Не завидую я вам!

— Я сама себе не завидую, но такова специфика работы: нас зовут, когда либо дело слишком сложное и грозит стать резонансным, либо «наверху» боятся тронуть высокопоставленных людей.

— Я тут в интернете покопалась на досуге, — задумчиво проговорила Сурдина. — Выяснила, что в Сосновой Горке живут два члена Союза писателей, режиссер игрового кино, три генерала, МВД и армейских, джазовая певица, актриса кино и сериалов... Короче, куда ни копни, нарвешься на знаменитость или «шишку»!

— Придется аккуратно поспрашивать, не пропали ли люди из поселка: вдруг окажется, что наша жертва чья-то дочь, племянница или внучка?

— Согласна, — склонила голову Сурдина. — Не думаю, что мне удастся узнать больше того, о чем я вам рассказала, но, если вдруг что-то всплывет, я тут же вам сообщу!

* * *

— Отличная работа, Владимир Всеволодович! — похвалила Кац, когда они оба оказались в ее кабинете после операции: она пообещала возместить Мономаху пропущенный обед, напоив его чаем и накормив печеньем собственной выпечки.

Он не смог устоять: пожилая нейрохирург владела секретом заваривания чая, которым отказывалась делиться с коллегами, но с удовольствием их угощала.

Мономах не относился к поклонникам травяного варева, предпочитая черный чай без добавок, но и он признавал, что Кац делает потрясающий напиток, вкус которого запоминается надолго.

Несмотря на то что она уже давно не занимает должность зав отделением нейрохирургии, нейрохирург является гордой обладательницей собственного кабинета — маленькой комнатухи без окон, смежной с бельевой. Хотя и не отличающийся большими размерами, кабинетик полностью отражает личность Кац. Он заполнен фотографиями пациентов и родственников, коих у нее великое множество, всевозможными безделушками, вязаными салфеточками и вазочками. Он напоминает жилую комнату, а не рабочее помещение, но Суламифи Моисеевне Кац дозволено то, чего не может себе позволить ни один другой работник больницы.

— Великолепная работа! — повторила она, включая электрический чайник (тоже, между прочим, в нарушение всех правил техники безопасности). — Теперь паренек сможет ходить не хромая!

— Ну, это пока бабушка надвое сказала, — заметил Мономах. — Когда он еще пойдет...

— Это да, это да, — закивала нейрохирург. — Но его состояние — это по нашей части: знаете, никогда ведь нельзя с точностью предсказать, как поведут себя мозги! Но по крайней мере, со стороны опорно-двигательного аппарата больших проблем благодаря вам не предвидится!

Мономах машинально кивнул, как замороженный следя за руками Кац.

Ее руки, несмотря на возраст, не тронутые пигментными пятнами, были прекрасны. Тонкие запя-

стья, длинные пальцы с коротко подстриженными ногтями красивой формы здорового натурально розового цвета — и никакого лакового покрытия.

Несмотря на то что правила гигиены для медработников не менялись, медсестры и врачи, даже оперирующие, стали позволять себе длинные ногти и маникюр с гель-лаком.

Мономах строго-настрого запретил своему среднему медперсоналу такую роскошь, чем поначалу вызвал массу недовольства, ведь девчонкам хотелось быть красивыми, даженося белый халат (который, кстати, не обязательно должен быть белым, и против разноцветия медицинской одежды Мономах не возражал). Более того, он запретил сестрам ношение каблуков, «пересадив» их в туфли на плоской подошве и мотивируя свое решение тем, что на каблуках невозможно быстро передвигаться по коридорам. Кроме того, будучи ортопедом-травматологом, он отлично понимал, как сильно устает женская ножка, заточенная в узкую «лодочку», да еще и приподнятая над землей на восемь, а то и все двенадцать сантиметров. И про позвоночник забывать не стоит, ведь при таком перекосе тела он страдает больше всего!

— Была б его воля, он бы нас на ролики поставил! — мрачно цедила Татьяна Лагутина, самая вредная сестра в отделении. — Как в американском «Макдоналдсе»!

Игнорируя ворчание медсестричек, Мономах лишь посмеивался, приговаривая:

— Ничего, лет через двадцать скажете мне спасибо за то, что не стали пациентками нашего же отделения!

Для Суламифи Кац таких вопросов не стояло: она уже более сорока лет носила белоснежные, накрахмаленные до морозного хруста халаты, туфли без каблука и коротко подстриженные ногти, считая это